

Сотрудничество России и Ирана по урегулированию сирийского кризиса в контексте противостояния коллективному Западу с 2013 по 2024 гг.

Научный руководитель – Харитоновна Наталья Ивановна

Ладжеварди Сейедерфан

Аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Факультет национальной безопасности, Москва, Россия
E-mail: erfan.lajevardi@mail.ru

Анализ политической динамики на Ближнем Востоке в период с 2013 по 2024 гг. позволяет выделить ключевые факторы, способствующие укреплению сотрудничества между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией в контексте противостояния коллективному Западу. Эти факторы обусловлены как стратегическими интересами обеих стран, так и особенностями региональной и международной политической среды.

В указанный период сотрудничество России и Ирана в Сирии стало важным элементом урегулирования кризиса. Основой для взаимодействия послужили общие краткосрочные интересы, включая: 1) поддержку режима Башара Асада как гаранта стабильности; 2) противодействие террористическим угрозам, в частности ИГИЛ (организация, запрещённая в РФ); 3) ограничение влияния коллективного Запада на Ближнем Востоке.

Однако позиции сторон по сирийскому вопросу существенно различаются, даже в рамках формального альянса. Это обусловлено различиями в стратегических приоритетах, долгосрочных целях и подходах к урегулированию кризиса, что подчеркивает сложный и неоднозначный характер российско-иранского партнёрства.

Сотрудничество Ирана и России в Сирии (2013–2024 гг.) представляет собой тактический альянс, основанный на временном слиянии интересов при сохранении фундаментальных стратегических расхождений. Иран, используя механизмы многосторонних коалиций, усилил своё региональное влияние через поддержку прокси-групп, таких как ливанская «Хезболла» и шиитские ополченческие формирования. Это позволило Тегерану институционализировать своё присутствие и трансформировать его в фактор долгосрочной региональной гегемонии.

Россия, обладая правом вето в Совете Безопасности ООН, стала ключевым союзником Ирана в противодействии международному давлению [2, 112–113]. Москва обеспечила Тегерану дипломатическое прикрытие, блокируя резолюции, направленные на легитимацию внешнего вмешательства. Этот симбиоз основан на тактическом совпадении интересов: Россия продвигает концепцию многополярности, а Иран реализует доктрину «оси Сопротивления» как инструмент антизападного и антиизраильского дискурса.

Российско-иранское сотрудничество в сирийском кризисе (2013–2024 гг.) сыграло ключевую роль в сохранении режима Б. Асада, нейтрализации террористических структур (ИГИЛ, «Тахрир аш-Шам» (запрещенные в РФ организации)) и стабилизации внутриполитической ситуации [6, 107–128]. Однако стратегические расхождения в подходах к послевоенному урегулированию создают риски для устойчивости данного альянса.

Тем не менее, структурный анализ альянса выявляет фундаментальные различия в стратегических парадигмах: Россия руководствуется геополитическим прагматизмом, стремясь сохранить военно-морскую инфраструктуру в Средиземноморье, противодействовать экспансии НАТО и создать платформу для диалога с региональными игроками, включая Израиль и Турцию. Иран же придерживается идеологической повестки, направленной на укрепление шиитского «сопротивленческого» дискурса, создание сухопутного коридора к

Средиземноморью («Шиитский полумесяц») и поддержание асимметричного баланса сил против Израиля [3, 19–25].

Совместные военно-политические операции укрепили взаимодействие, но выявили асимметрию стратегических приоритетов: Россия акцентирует внимание на геополитических интересах, включая сохранение военной инфраструктуры и сдерживание экспансии НАТО, в то время как Иран продвигает идеологическую повестку «Оси сопротивления», ориентированную на антизападные и антиизраильские цели.

Несмотря на сотрудничество, между Россией и Ираном существует скрытое соперничество за контроль над ключевыми регионами Сирии и экономическими активами (нефтяные месторождения Аль-Омар и Газа) и транспортными коридорами (автодорога М5, порт Тартус) [5, 371–402].

С точки зрения теории неореализма, российско-иранское взаимодействие в Сирии эволюционирует в сторону конкурентной модели с элементами ограниченной кооперации, где риски дезинтеграции балансируются угрозой маргинализации на фоне усиления турецко-катарского тандема и возвращения США в региональную политику [1, 55–77].

Объединяющие факторы (борьба с ИГИЛ (организация, запрещённая в РФ), противодействие санкциям и коллективному Западу) теряют актуальность по мере стабилизации, обнажая структурные противоречия. Дихотомия целей проявляется в отношении к пост-асадовскому сценарию: Иран демонстрирует готовность к силовому изменению политического ландшафта в случае прихода к власти прозападных или суннитских сил, тогда как Россия ориентирована на инклюзивный политический процесс [4, 215–244]. Данное противоречие усугубляется динамикой региональной безопасности, включая активизацию радикальных группировок и изменение баланса сил.

Перспективы партнёрства зависят от способности сторон к выработке компромиссной модели, сочетающей российский прагматизм в военно-стратегической сфере с иранскими геополитическими амбициями. Ключевыми вызовами остаются необходимость синхронизации подходов в условиях усиления внешнего давления и трансформации региональных альянсов.

Для сохранения стратегического партнёрства обеим сторонам необходимо учитывать взаимные интересы, минимизировать разногласия и разработать общую стратегию по обеспечению стабильности в Сирии и регионе в целом.

Источники и литература

- 1) Azuolas Bagdonas Russia's Interests in the Syrian Conflict: Power, Prestige, and Profit // European Journal of Economic and Political Studies. 2012. P. 55–77.
- 2) Nikolay Kozhanov Russia and the Syrian Conflict: Moscow's Domestic, Regional and Strategic Interests. Gerlach Press, 2016. p. 160.
- 3) Ладжеварди Сейедерфан, Федоряк Д.Р. Сотрудничество Ирана и России в урегулировании сирийского кризиса в целях обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Закон и Власть. 2024. №5. С. 19–25.
- 4) Мохсен Баят, Эбрагим Тахери, Мехди Золфагари Объяснение связи между исламской идентичностью и политикой безопасности Ирана в Ираке и Сирии с использованием метода документального анализа // Ежеквартальный журнал стратегических политических исследований. 2019. №6. С. 215–244.
- 5) Наумкин Виталий Вячеславович и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. с. 555.

- 6) Сейед Шамс ад-Дин Садеги, Масуд Ахаван, Каземи Камран Лютфи Сирийский кризис и геополитический конфликт между региональными державами // Ежеквартальный журнал политических исследований исламского мира. 2016. №16. С. 107–128.